

IV. Эссе

Борис Хазанов

Когда боги удалились на покой: Маргерит Юрсенар

Случилось так, что чемодан с бумагами Маргерит Юрсенар десять лет пролежал в гостинице Meurice в Лозанне. В 1939 году чемодан приплыл в Америку. Открыв его, писательница обнаружила пожелтелые документы, письма забытых людей, старый хлам; всё полетело в огонь. Неожиданно ей попалось несколько машинописных листков с обращением: «Дорогой Марк...» Это было начало записок Публия Элия Адриана, предназначенных для наследника – будущего императора и философа Марка Аврелия.

Впоследствии Юрсенар рассказывала, что находка вызволила её из длительного литературного кризиса, вернула к давнему замыслу романа о римском императоре Адриане. «Есть книги, – пишет она в *Заметках к Мемуарам Адриана*, – к которым нельзя приступать, покуда не перешагнёшь порог сорокалетия». В юности, посетив развалины летней резиденции Адриана в Тиволи, Юрсенар увлеклась идеей, осуществлённой тридцать лет спустя. *Мемуары* вышли в 1951 году. Книга сделала автора мировой знаменитостью, хотя и не принесла (чему не приходится удивляться) немедленного коммерческого успеха. Она существует в прекрасном русском переводе и недавно переиздана.

Столетие Маргерит Юрсенар было недавно отмечено множеством публикаций в разных странах; среди самых заметных – обстоятельная биография, написанная журналисткой и литературоведом Жозианой Савиньо¹. Юрсенар родилась в 1903 году в Брюсселе, её мать умерла через десять дней после родов; отец, французский дворянин, вернулся с девочкой на родину, не обременял дочь строгой опекой, зато приохотил к путешествиям. Маргарита-Антуанетта-Жанна-Мария Гислен де Креянкур получила домашнее образование и официально нигде больше не училась; это не помешало ей стать почётным доктором многих университетов. Свою обширную гуманитарную эрудицию она в большой мере приобрела самостоятельно. В восемнадцать лет опубликовала первую книжку. Псевдоним Юрсенар – анаграмма отцовской фамилии Crauencour.

¹ Savigneau, Josyane. Marguerite Yourcenar: L'invention d'une vie. P., 2003.

Писательница вела кочевой образ жизни, наездами жила в Греции, Италии, Испании, повидала множество других стран, в том числе США и Канаду, путешествовала по Африке, по Индии; между прочим, побывала (в 1962 г.) в Ленинграде. Время от времени возвращалась в Париж, где жила в маленьких отелях. Вместе со спутницей жизни американкой Грейс Фрик поселилась в двухэтажном коттедже на острове Маунт-Дезерт в Северной Атлантике, у берегов штата Мэйн, провела там с перерывами почти сорок лет, до своей смерти в декабре 1987 года.

Когда весной 1980 г. Маргерит Юрсенар была избрана во Французскую академию, возникла проблема мундира; Юрсенар и слышать не хотела о традиционном *habit vert*, зелёном кафтане с золотым позументом, и брюках с лампасами, – не говоря уже о шпаге. «В крайнем случае кинжал – чтобы было чем заколоться». Немолодая дородная дама, первая женщина в синклите «бессмертных» за 350 лет существования Академии, явилась в зал заседаний в чёрном бархатном одеянии – длинной юбке, из-под которой выглядывали широкие штаны, и просторной блузе. Вместо треуголки – белая шаль, на отвороте блузы брошь в виде римской монеты времён Адриана. В этом виде она изображена и на юбилейной марке, выпущенной бельгийской почтой.

Маргерит Юрсенар писала романы, новеллы, воспоминания (одна из последних мемуарных книг называется *Что? Вечность*), путевые записки, эссе о современниках – Томасе Манне, Борхесе, Кавафисе, Юкио Мишимуе, – а также пьесы и стихи. Если бы понадобилось назвать десять крупнейших французских прозаиков XX века, она была бы в их числе. В современной ей литературе она осталась, как и положено крупному писателю, одиночкой. Это можно отнести и к ней самой, к её образу жизни, к её личности и судьбе: «*fille sans mère, femme sans enfant, amoureuse sans homme*» (дочь без матери, женщина без детей, возлюбленная без мужчины).

В *Заметках к Мемуарам Адриана* есть такое место: «Я отыскала в письмах Флобера, в томике, который усердно читала в юности, незабываемую фразу: "Когда боги древности уже не существовали, а Христа ещё не было, в эпоху от Цицерона до Марка Аврелия, настал момент, когда человек остался один, предоставленный самому себе". Значительная часть моей жизни прошла в усилиях понять, а затем и описать этого человека, одинокого и вместе с тем прочно привязанного к миру».

Кесарь Адриан – римлянин II века, но это и европеец наших дней, современник Юрсенар и сама Юрсенар. Роман, как бы написанный (по замечанию одного критика) на серебряной латыни эпохи последнего цветения римской литературы, – вместе с тем и блестящий образец французской традиции: ясность, логика, благородная сдержанность, дисциплина. Можно заметить, что наиболее выпуклые, самые удавшиеся персонажи писательницы – отнюдь не женщины. Вот уж о ком не скажешь – дамская проза. Это относится не только к *Мемуарам Адриана*, где абсолютное доминирование мужчины – черта эпохи и необходимое условие ли-

тературной игры. Начиная с героя первого романа *Алексис, или трактат о поражении* (другой перевод – «Алексис, или рассуждение о тщетной борьбе», драма любовного треугольника, где между влюблёнными мужчинами вклинивается женщина) до врача Зенона в романе *Философский камень* и старого художника Ван Фо из *Восточных рассказов* мужчины стоят в центре повествования. Женщины у Юрсенар почти всегда пассивны и обыкновенно оказываются на второстепенных ролях. Ещё одна черта: на первый взгляд, её не интересует (если говорить о художественной прозе) наше время. На первый взгляд.

Первый вариант повествования об Адриане, роман *Антиной* (1926), написанный в форме диалога, был отвергнут издателем Фаскелем и уничтожен. После истории с чемоданом жизнь сосредоточилась вокруг Адриана и Рах Романа второго века. Проза требует выдержки, дисциплины и долголетия. Прозу не лепят – её высекают. В окончательной версии *Мемуаров* от наброска, прибывшего из Америки, осталась только вступительная фраза, обращение к адресату записок.

Некоторые высказывания Юрсенар, как и её архив, дают известное представление о её работе над романом. Нагромождение черновиков. Умопомрачительное количество источников. Многостраничные записи по-гречески (здесь можно вспомнить, что труд Марка Аврелия «К самому себе» написан не по-латыни, а по-гречески). Вместе с тем писательница заявляет, что не любит кабинетной работы, пишет где угодно: в путешествиях, в гостиницах. Ей нередко приходится убеждаться, что задуманная книга «лишь одной ногой» стоит на эрудиции: вторая нога – магия. «Мне кажется, у большинства людей ложное представление об учёности писателя. Французы думают, что ты с утра до вечера роешься в книгах, наподобие книжных червей Анатоля Франса. Это не так. Если любишь жизнь во всех её, так сказать, формах, всё равно каких, современных или минувших, – не помню, кто из греческих авторов говорит, что преимущество прошлого перед настоящим состоит в том, что прошлое обширно, а настоящее мимолётно, – а я, между прочим, прочитала всю древнегреческую литературу, – так вот, это нормально, когда тебе приходится много читать...»².

Удивительное дело: её проза, давно ставшая классической, выглядит весьма актуальной на фоне сегодняшних литературных дебатов. Например, стало общим местом утверждение, будто в наше время особенно возросла популярность литературы факта и документа, а интерес к «выдуманной литературе», fiction, угасает. Но роман по-своему отвечает на тенденцию вытеснить художественную фантазию фактологией: он выворачивает это противопоставление наизнанку. Роман имитирует человеческие документы – письма, дневники, записки, – и они оказываются убедительней всякого подлинника. Это, конечно, не совсем ново; эпистолярный (псевдодокументальный) роман – излюбленный жанр XVIII столетия, достаточно вспомнить две самых знаменитых книги: *Опасные связи* Шодерло де Лакло и гётевского *Вертера*. Два других – и более демонстративных – примера

² Письмо к Габриэль Жермен от 11 января 1970 г.

относятся к только что ушедшему веку. Это роман Т. Уайлдера *Мартовские иды*, в котором все «документы», за исключением стихов Катулла, – изобретение автора, и, конечно, *Мемуары Адриана*, главная и наиболее известная книга Маргерит Юрсенар. Адриан, приёмный сын Траяна и римский император со 117 по 138 год, увековечил себя множеством сооружений, был инициатором кодификации права, покровителем искусств и литературы, но оставил лишь незначительное число личных записей и уж во всяком случае никаких воспоминаний не писал.

Далее, вы можете услышать сегодня вновь оживший девиз «показывать, а не рассказывать», рассуждения о преимуществах прозы, непосредственно воспроизводящей живую жизнь, перед романами, в которых действительность более или менее поставлена под сомнение, опосредована рефлексией, и т.п. Наследие автора, о котором идёт речь, дезавуирует и этот тезис. Наконец, снова и снова, на протяжении теперь уже полувека, нас уверяют, что граница между серьёзной и тривиальной литературой отменена. И снова рафинированная проза Юрсенар смеётся над этой чушью.